что иностранные путешественники, писавшие о России, замечали, что в Москве гораздо терпимее относятся к протестантам, чем к католикам. 26 Однако всякая пропаганда реформационных взглядов в русской среде безусловно запрещалась, ибо господствующие классы России были враждебно настроены по отношению к реформационным движениям. Это выразилось в частом и резком осуждении «люторей», которое, например, находим как у Ивана Грозного, так и у его политических противников — Андрея Курбского, троицкого игумена Артемия и т. д.; это выразилось и в преследовании «своих» еретиков XVI в. — Башкина, Косого и др. Кроме того, Иван Грозный не нуждался в союзе с протестантами (хотя во многих своих дипломатических акциях он был гораздо менее нетерпим), поскольку католицизм долгое время не считался в России серьезной опасностью и даже опасностью вообще.

Напротив, православные деятели западнорусских, украинских и белорусских земель, входивших в состав Польско-Литовского государства, оказались более терпимыми к евангелистам, так как наступление католицизма, особенно после Люблинской унии, поставило под угрозу само существование православия в этих областях. Это, между прочим, отметил и Д. Цветаев, который относился к протестантству с православной нетерпимостью: «Южнорусская полемика направлялась по преимуществу против католиков, как главных врагов православия, и с протестантами, в интересах общей обороны, православные не раз заключали союзы». 27

В 1570 г. в Сандомире собрался евангелический синод, где было выработано примирение, именно тактическое примирение между лютеранами, кальвинистами и «чешскими братьями». В «Краткой истории славянской церкви» Коменский указывает, что среди шести епископов «польских

братьев» был и русский.

На Торунском синоде 1595 г. Шимон Теофил Турновский, чех родом, один из руководителей братской общины в Польше, провозгласил, что греческая церковь ближе к апостольскому учению, чем римская. К Торунскому синоду обратился князь К. К. Острожский, также высказавший пожелание «объединиться в правой вере». Переговоры об объединении продолжались на православном антиуниатском соборе в Берестье в 1595 г. и, наконец, на съезде в Вильно в мае 1599 г. Планы братской общины шли весьма далеко: было даже выработано 18 «пунктов», где утверждалось и доказывалось, что православная и евангелическая веры в основном сходны.

В послании, направленном местоблюстителю константинопольского патриаршего престола александрийскому митрополиту Мелетию, евангелисты, представленные на виленском съезде, заявляли, что они всегда «почитали церковь восточную в Греции и одного с нами языка людей в Московии, Руси и Литве». 28 Турновский, составивший особое письмо, снова вспомнил многочисленные попытки гуситов и их идейных наследников объединиться с греко-православной церковью. В Вильно между православными и еван-

ler. Die Kritik des Protestantismus in der russischen Theologie von XVI. bis zum XVIII. Jahrhundert. Wiesbaden, 1951.

^{26 «}Население Немецкой слободы представляло довольно пеструю смесь наций и вероисповеданий. Больше всего было немцев-лютеран... Они пользовались свободой богослужения и имели два храма. Были также кальвинисты разных наций... Меньше было католиков.... они не пользовались правом публично отправлять свое богослужение и не имели хоама. Иностранные писатели говорят единогласно, что в Москве ни к каким иностранцам не относились с таким отвращением и недоверием, как к католикам» (В. О. Ключевский. Сказания иностранцев о Московском государстве Пгр., 1918, стр. 232—233).

27 Дм. Цветаев. Протестантство и протестанты..., стр. 601.

²⁸ См.: А. В. Флоровский. Чехи и восточные славяне, т. І, стр. 389.